

Ролевого конфликт как условие становления профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы

М.С. КОДАНЕВА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Интерес к феномену профессиональной идентичности, столь возросший в отечественной науке за последнее десятилетие, не случаен. Проблематика профессионального самосознания и самоопределения становится особенно актуальной в условиях политических и социально-экономических изменений в нашей стране. Исследователи отмечают, что среди принципиальных изменений, произошедших в человеческом сообществе вообще и в российском обществе в частности, наиболее значимыми оказались критические изменения самого человека. Современный человек по-новому понимает, осмысливает мир и себя в этом мире, в связи с чем на передний план выходит проблема самосознания, самоопределения человека, рефлексии им своих возможностей. Профессиональная идентичность, наряду с этнической, гендерной, религиозной и другими видами идентичности, выступает в качестве важнейшего аспекта самосознания, изучение которого необходимо для оптимизации функционирования человека в соответствующей сфере деятельности. Постановка проблемы профессиональной идентичности, ее структуры и генезиса, определение психологических оснований ее понимания являются важными задачами по причине, в том числе, отмечаемого исследователями кризиса идентичности в современных условиях.

Результаты исследований Е.П. Ермолаевой, Л.Б. Шнейдер, Ю.П. Поваренкова, Н.Л. Ивановой, М.М. Абдуллаевой и других свидетельствуют о том, что человек действительно реализует и развивает свою идентичность в профессиональной сфере. Вместе с тем вопрос об этапах и движущих силах процесса становления профессиональной идентичности продолжает оставаться открытым. Малоизученными являются особенности становления профессиональной идентичности в различных условиях профессиональной деятельности.

Гуманизация системы исполнения наказаний в России предполагает участие психологов в решении задач, связанных с сопровождением осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также персонала пенитенциарных учреждений. На сегодняшний день значимость профессии психолога в уголовно-исполнительной системе не вызывает сомнений. Психологическая служба УИС действует в сложных условиях правовой регламентированности и экстремальности, предъявляющих высокие требования к уровню профессионализма пенитенциарных психологов. В то же время, по данным статистики, около

40% штатных должностей психологов занимают лица, не имеющие базового образования¹. Среди специалистов с профильным образованием значителен процент тех, кто пришел в уголовно-исполнительную систему из гражданских учреждений. Адаптация к специфическим условиям деятельности в пенитенциарном учреждении вызывает у этой категории профессионалов большие трудности. Особенно остро переживается ими необходимость сочетания ролей психолога и сотрудника, не всегда совпадающих по своему содержанию, что позволяет рассматривать проблему профессионализации психологов в УИС прежде всего как проблему становления их профессиональной идентичности.

Очевидное решение данной проблемы заключается в специализированной профессиональной подготовке психологов для УИС, приоритетом которой является развитие личности будущих профессионалов. В вузах Федеральной службы исполнения наказаний России осуществляется обучение курсантов и слушателей по специальности «Психология», однако формированию адекватной профессиональной идентичности будущих пенитенциарных психологов, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Отсутствие научно обоснованных данных в этой области обусловило актуальность проведенного нами исследования становления профессиональной идентичности психологов УИС в период обучения в ведомственном вузе и на этапе самостоятельной профессиональной деятельности².

Цель исследования состояла в выявлении характеристик и условий становления профессиональной идентичности психологов УИС на разных этапах профессионализации. В исследовании приняли участие курсанты I–V курсов психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России (213 чел.) и 39 психологов-сотрудников психологической службы ФСИН России. В комплекс методов исследования были включены неформализованное интервью, метод репертуарных решеток Дж. Келли (вариант, разработанный в рамках ко-терапевтической компьютерной системы «КЕЛЛИ-98»), самоактуализационный тест – САТ (в адаптации Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и М.В. Латинской) и тест «20 высказываний» М. Куна и Т. Макпартленда.

В контексте исследования профессиональная идентичность понималась как интегральное качество личности профессионала, особая форма организации опыта бытия личности в профессии, которая раскрывается через систе-

му функциональных, ценностно-смысловых, ролевых и временных образующих. Процесс становления профессиональной идентичности был представлен через изменения характеристик, демонстрирующих вклад каждой из образующих в формирование целостной идентичности: функциональных (вовлеченность в деятельность и удовлетворенность ею), ценностно-смысловых (профессиональные ценностно-смысловые ориентации), ролевых (структура профессионально-ролевых идентификаций) и временных (временная согласованность профессионального образа «Я»). Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволил определить значимый для становления профессиональной идентичности психологов УИС фактор – специфичное сочетание внешних и внутренних условий, которое определяет центральное противоречие («драму») каждого периода, связанное с необходимостью согласования служебных и профессиональных ролей.

Интерпретируя данные исследования, мы опирались на представление о том, что достигнутая идентичность предполагает успешную интеграцию отдельных ролей в «Я». В случае противоречия ролевых предписаний возникает ролевой конфликт, который может послужить основанием для переживания кризиса идентичности. Повседневная практика и многочисленные исследования свидетельствуют о том, что ролевые конфликты являются весьма частым явлением. Большинство организационных стрессоров связано именно с ролевыми особенностями профессиональной деятельности³.

В современной литературе описаны три типа ролевых конфликтов: межролевые, внутриролевые и личностно-ролевые. Межролевой конфликт вызывается тем, что различные роли предъявляют индивиду несовместимые или даже противоположные требования. В результате подобных конфликтов формируется маргинальная личность. Группы, к которым она одновременно принадлежит, враждуют между собой, вследствие чего не представляется возможным осуществить выбор и прочно идентифицироваться с одной из них. Внутриролевой конфликт имеет место, если оказываются противоречивыми требования, предъявляемые к носителю одной роли разными социальными группами. По мнению Т. Ньюкома, личности удается избегать подобных конфликтов благодаря тому, что различные роли «не пересекаются», иными словами, выполняются в разное время и в разных условиях⁴. Личностно-ролевой конфликт возникает, «когда качества, внутренние ценности, стандарты, представления и потребности личности не соответствуют социальной роли или установленному ролевому поведению, то есть субъективное «Я» вступает в конфликт с социальной ролью»⁵. С точки зрения Э. Эриксона, чувство самоуважения, способствующее возникновению чувства идентичности, основано на знаниях и социальных приемах, обеспечивающих совпадение «эго-идеала» и социальной

роли. Однако социальная роль не должна стать при этом «маской», в противном случае «образуется ложная эго-идентичность, которая не синтезирует, а скорее подавляет тот опыт и те функции, которые опасны для «вывески»»⁶.

Результаты, полученные с помощью различных методов, позволили не только констатировать существование конфликта служебных и профессиональных ролей в структуре идентичности психологов УИС, но и определить значение этого конфликта на каждом этапе становления профессиональной идентичности.

Как показало исследование, в период обучения будущих психологов в ведомственном вузе имеют место два кризиса идентичности: первый – на втором году обучения, основным показателем которого выступает отсутствие перспективной идентичности в профессиональной сфере; второй – на пятом курсе, который проявляется в снижении ролевой самоидентификации. «Пик» ролевой идентификации наблюдается на третьем курсе, что дает основания рассматривать его как относительно самостоятельный этап в становлении идентичности.

Таким образом, в процессе становления профессиональной идентичности будущих психологов УИС в период обучения в ведомственном вузе были выделены три этапа: первый – «приобщение к профессии» (I–II курсы), второй – «первичная идентификация с профессией» (III курс), третий – «начало формирования профессиональной идентичности» (IV–V курсы). Четвертый этап в нашем исследовании был соотнесен с периодом самостоятельной профессиональной деятельности психологов УИС.

Результаты контент-анализа самоописаний респондентов (методика М. Куна и Т. Макпарленда) свидетельствуют о том, что максимальная выраженность профессионального компонента в структуре идентичности характерна для курсантов-старшекурсников и психологов. Служебно-ролевой компонент у них менее представлен по сравнению с курсантами I–IV лет обучения. Вместе с тем служебный компонент в структуре идентичности преобладает над профессионально-ролевым у всех курсантов, что, по-видимому, отражает особенности ситуации обучения в ведомственном вузе. Для практикующих психологов служебная сторона их деятельности обладает, вероятно, меньшей значимостью по сравнению с собственно профессиональной.

Это подтверждается результатами исследования по методу Келли. Действительно, на разных этапах профессионального становления ролевые идентификации психологов УИС характеризуются рядом особенностей.

Прежде всего, имеют место различия в составе референтных групп, предоставляющих модели для ролевой идентификации. Для первокурсников такую группу составляют однокурсники и преподаватели, для курсантов третьего года обучения – практические психологи УИС, для выпускников – практические психологи и одно-

курсники (как начинающие специалисты). Все курсанты ориентированы на профессиональное окружение в пределах ведомственных учреждений, однако его широта увеличивается от первого к пятому курсу за счет приобретения опыта взаимодействия с разными специалистами. Сходная ситуация наблюдается у практикующих психологов: их профессиональные отношения складываются преимущественно в пределах региональной службы УИС. Служебно-ролевые идентификации у всех групп испытуемых устанавливаются в рамках ближайшего окружения (однокурсники, сотрудники вуза – для курсантов, сотрудники учреждения – для психологов).

Значимость ролевых позиций меняется на разных этапах становления психологов. Служебные роли имеют особое значение для курсантов первого года обучения в связи с активным освоением служебной деятельности. Профессиональные роли выходят на первый план у курсантов третьего года обучения. Для пятикурсников и практикующих психологов как профессиональные, так и служебные ролевые позиции значимы в одинаковой степени. Очевидно, поэтому первокурсники наиболее пристрастны в оценке своего актуального «Я», а курсанты старших курсов и психологи – в оценке будущего, возможного «Я», отражающего перспективы развития в профессиональной сфере.

Содержание профессионально-ролевых позиций нетождественно у курсантов разных лет обучения и психологов. Так, первокурсники включают в образ психолога-профессионала личностные характеристики, выражающие отношение к другим людям; для третькурсников определяющими являются опыт и наличие внутренней мотивации к выполнению профессиональной деятельности; выпускники вуза оценивают профессионала с точки зрения его компетентности и эффективности в деятельности; практикующие психологи помимо компетентности рассматривают в числе критериев профессионализма отношение к своему делу. По-разному конструируется и роль начинающего специалиста, выступающая в качестве основной идентификационной модели на этапе профессионального обучения. Для первокурсников она ассоциируется в первую очередь с познавательной активностью, для курсантов третьего курса – с отсутствием профессионального опыта, для пятикурсников – с самоопределением, психологи отмечают у начинающих специалистов заинтересованность в сочетании с неуверенностью.

Особенности структуры ролевых идентификаций курсантов и психологов проявились в отношении следующих позиций. В прошлом первокурсники, пятикурсники и психологи идентифицируются в большей степени с ролью начинающего специалиста. Психологам близка также роль психолога-сотрудника: для них в прошлом – начало профессионального становления в системе. Для третькурсников ведущей является идентификация с самоактуализирующейся личностью (возможно, самоопреде-

ляющимся человеком), что подтверждается на статистическом уровне: для персонажа «Самоактуализирующийся человек» были выявлены значимые различия между группами испытуемых, рассчитанные по критерию U Манна-Уитни (I–II курс, $p \leq 0,05$; III–V курс, $p \leq 0,01$; III курс – психологи, $p \leq 0,01$).

В настоящем у первокурсников наблюдается тенденция к идентификации с ролями начинающего специалиста и психолога-сотрудника, третькурсники видят себя начинающими специалистами, стремящимися к самоактуализации, пятикурсникам близки роли начинающего специалиста и психолога-сотрудника, практикующим психологам – роль профессионала. Статистически значимые различия были обнаружены для персонажей «Неуспешный сотрудник» (I–V курс, $p \leq 0,05$; III–V курс, $p \leq 0,05$), «Начинающий специалист» (III курс – психологи, $p \leq 0,05$), «Психолог-профессионал» и «Психолог-непрофессионал» (V курс – психологи, $p \leq 0,05$). Таким образом, пятикурсники в большей степени, чем курсанты младших курсов, склонны к принятию роли неуспешного сотрудника и роли непрофессионала – по сравнению с практикующими психологами; у третькурсников наблюдается первичная профессиональная идентификация; психологи демонстрируют адекватную их профессиональному статусу ролевую идентификацию.

В будущем во всех группах очевидна ориентация на профессионально-психологическую позицию, которая связывается у третькурсников с ролью психолога-сотрудника, а у первокурсников и психологов – с возможностями самоактуализации. Статистически значимые различия выявлены для персонажей «Психолог-сотрудник» (III–V курс, $p \leq 0,05$; III курс – психологи, $p \leq 0,05$) и «Самоактуализирующийся человек» (III курс – психологи, $p \leq 0,05$), что подтверждает сказанное.

В числе отвергаемых во всех группах фигурируют роли психолога-непрофессионала и неуспешного сотрудника, однако последняя роль ближе пятикурсникам в прошлом и настоящем, чем другим группам курсантов. Возможно, такой результат обусловлен особенностями профессионально-учебной ситуации конкретного курса.

Следует отметить также, что от первого курса к группе психологов меняется в целом характер ролевых предпочтений: они становятся менее определенными, а структура идентификаций – более «размытой». Одним из объяснений этого факта являются различия в профессиональном опыте, максимально сходном у курсантов на начальном этапе профессионального обучения и значительно индивидуализированном у состоявшихся специалистов.

Наиболее выраженными оказались особенности ролевых идентификаций в группах курсантов и психологов, выделенных по критерию согласованности временных самооценок. Из четырех теоретически возможных вариантов соотношения между временными образами «Я»

в группе курсантов первого года обучения были выявлены два (несогласованность «Я в прошлом» и «Я в настоящем» – согласованность «Я в настоящем» и «Я в будущем»; полная согласованность); в группах курсантов третьего, пятого курсов и психологов к ним добавился третий вариант (полная несогласованность). Единичный случай в группе пятикурсников представляет четвертый вариант (согласованность «Я в прошлом» и «Я в настоящем» – несогласованность «Я в настоящем» и «Я в будущем»). Варианты соотношения временных самооценок могут быть интерпретированы следующим образом.

Полная несогласованность образов «Я» свидетельствует о состоянии кризиса идентичности, что отражается в содержании конструктов, характеризующих «Я в настоящем» испытуемых. Подобный кризис порожден, вероятно, противоречием между стремлением к профессиональной самореализации и отсутствием условий для нее. Несогласованность самооценок в прошлом и настоящем связана с рефлексией курсантами и психологами собственных изменений, произошедших в связи с обучением или началом профессиональной деятельности в УИС. Согласованность настоящего и будущего образов «Я» в этом случае указывает на состоявшееся самоопределение и нацеленность на достижения в выбранной профессии. Полная согласованность временных самооценок характерна для курсантов и психологов, демонстрирующих наряду с профессиональной ориентацией выраженные карьерные устремления.

Причины актуализации конфликта служебных и профессиональных ролей на разных этапах становления профессиональной идентичности психологов УИС выявлялись посредством анализа материалов неформализованного интервью.

Так, на первом этапе (первые два года обучения в ведомственном вузе) специфика ситуации определяется тем, что курсанты одновременно включаются как в учебную, так и в служебную деятельность, причем вовлеченность в служебную деятельность преобладает. Выполнение служебных задач занимает у первокурсников большую часть времени, требует физических затрат и сопровождается значительным психическим напряжением. Вероятно, поэтому ведущими ценностями для них выступают свобода и возможность самопроявления (по данным САТ).

Объективную сложность для курсантов младших курсов представляют психологические дисциплины (интересно, что старшекурсники в своих ретроспективных отчетах упоминают о двух факторах, «осложнявших жизнь» в первые годы обучения в институте: несении службы и освоении психологии). Однако, несмотря на перечисленные трудности, первокурсники в целом демонстрируют удовлетворенность профессией, что подкрепляется позитивной оценкой специальности и сферы будущей профессиональной деятельности со стороны их ближайшего

окружения. В то же время для первого этапа становления профессиональной идентичности психологов УИС характерны недифференцированность образа профессии, обобщенный интерес к ней, признание необходимости профессии психолога в УИС. В отношении к другим людям (в том числе осужденным – объекту будущей профессиональной деятельности) у курсантов преобладает познавательная установка, они ориентированы на приобретение и актуализацию, прежде всего, социального опыта.

Таким образом, приобщение к профессии определяется познавательным интересом к другим людям и возможностями его удовлетворения в напряженных условиях учебной и служебной деятельности. Фрустрация социальных потребностей вследствие специфики условий на начальном этапе обучения в ведомственном вузе может стать причиной кризиса идентичности.

Второй этап (третий курс, соответственно) характеризуется преимущественной вовлеченностью курсантов в учебно-профессиональную деятельность. Служебная деятельность оценивается третьекурсниками как непривлекательная. На первый план выходят ценности автономии и самоактуализации (по данным САТ).

Третьекурсники нацелены на решение чрезвычайно важных для них проблем: совместимы ли профессия психолога и условия профессиональной деятельности в УИС? востребована ли профессия психолога в УИС? насколько собственные качества отвечают требованиям профессии пенитенциарного психолога? Большинство опрошенных курсантов дали отрицательный ответ на вопрос о совместимости ролей психолога и сотрудника, аргументируя это следующим образом: *«Мало совместимы, потому что сотрудник должен быть сотрудником. Психолога не касаются такие вещи, как дисциплина, подчинение власти, чтоб он меньше был загружен этим и мог заниматься своим делом»; «Сотрудник – это сотрудник. Трудно это совместить. Сотрудник – он подчиняется, должен выполнять свои обязанности. А психолог... Сотрудник должен пойти и сказать о побеге. Психолог имеет право промолчать»; «Военная муштра и такая творческая профессия, как психолог, несовместимы»; «Может быть, когда несколько лет отработаю, для меня будут сочетаемы. Но вряд ли». Разрешение ролевого противоречия для курсантов возможно путем предпочтения одной из сторон профессиональной деятельности: *«Выбрать, что важнее: сама работа или подчинение по службе».**

Представляется важным тот факт, что наибольшая выраженность рефлексии эмоциональных и поведенческих изменений свойственна именно курсантам третьего года обучения. Третьекурсники чаще отмечают реалистичность своих представлений о профессии психолога, демонстрируют значимое отношение к ней, а также сообщают об изменениях, произошедших в них самих за время обучения. В связи с этим они склонны подчеркивать зна-

чимось оценки их профессиональных качеств со стороны ближайшего окружения. Сказанное позволяет характеризовать данный период как сензитивный для становления профессиональной идентичности.

Итак, на втором этапе у курсантов возникает эмоционально-личностное отношение к профессии психолога УИС, составляющее основу для профессионального самоопределения в этой сфере. В то же время разрешение проблемы согласования служебной и профессиональной ролей выступает важнейшим условием адекватной профессиональной идентификации.

Особенностями *третьего этапа* (четвертый–пятый курсы) являются вовлеченность в профессиональную деятельность одновременно с отсутствием выраженного интереса к служебной деятельности; доминирование ценностной интернальности, гибкости и позитивного отношения к человеку (по данным САТ); ориентация на личный опыт профессиональной деятельности. Большинство опрошенных старшекурсников не связывают свое профессиональное будущее с уголовно-исполнительной системой. При этом значимыми проблемами для них выступают востребованность профессии психолога УИС (с точки зрения реальных возможностей трудоустройства) и реализация собственных возможностей в профессиональной деятельности.

На вопрос о возможности сочетания ролей психолога и сотрудника пятикурсники отвечают утвердительно, связывая их различие исключительно с внешними атрибутами. Определяющей, по их мнению, является внутренняя позиция профессионала: *«Психолог – это психолог, в погонах он или гражданский»; «Все зависит от человека, как он к этому относится».*

Заметим, что ни одно из высказываний курсантов первого года обучения не отражает эмоционально-личностного отношения к профессии, в то время как эта тема актуальна для третьекурсников и особенно пятикурсников. Можно предположить, что подобное отношение начинает складываться у курсантов к середине обучения в ведомственном вузе и создает предпосылки для становления профессиональной идентичности. Интересно, что содержание эмоционально-личностного отношения к получаемой специальности различно у курсантов третьего и пятого курсов. Третьекурсники связывают его с решением проблемы значимости психологической профессии, в том числе в уголовно-исполнительной системе, и профессионального самоопределения («быть или не быть»). Отношение курсантов-выпускников, имеющих опыт профессиональной деятельности благодаря практикам, определяется осознанием возможностей профессиональной самореализации в реальных условиях («как быть»).

Таким образом, на третьем этапе у курсантов формируется внутренняя, «субъектная» позиция по отношению к профессии, в связи с чем доминирует их ориентация на самореализацию в будущей профессиональной деятельности.

На этапе самостоятельной профессиональной деятельности к значимым внешним условиям относятся: нормативная регламентация профессиональной деятельности психологов УИС; недостаточное материальное оснащение психологической лаборатории; низкая мотивированность потенциальных клиентов (сотрудников и осужденных); непонимание специфики психологической работы руководством и сотрудниками учреждения; узкий круг профессиональных контактов; позитивное отношение ближайшего окружения к профессиональной деятельности на фоне негативного отношения к сфере деятельности в целом. Все это обуславливает противоречивость отношения психологов к своей профессии: они умеренно вовлечены в собственно профессиональную деятельность и в то же время не принимают особенности регламентации деятельности в УИС. Актуальными для пенитенциарных психологов проблемами являются значимость психологической работы в исправительном учреждении, а также согласование ролей сотрудника и психолога.

На вопрос «Сложно ли сочетать в себе роли психолога и сотрудника?» положительный ответ дали 58% опрошенных психологов. Respondенты характеризуют соотношение ролей следующим образом: *«неконгруэнтность», «возникает конфликт внутри», «сложно как для человека, подсознательно сталкиваются два блока», «либо-либо, борются».* При этом в качестве причин противоречия ролевых позиций психолога и сотрудника указываются следующие:

– несовпадение целей деятельности (*«Задачи психолога одни, а у сотрудника предполагается иное»; «Прежде всего мы – сотрудники. Цели другие у психолога и сотрудника. Сочетаются только в том, что и тот и другой создают обстановку»;*

– несоответствие между этическими принципами психолога (конфиденциальность, безоценочное отношение к клиенту и т.п.) и требованиями к деятельности сотрудника (*«При работе с осужденным роли сменяют друг друга, из-за этого нет самораскрытия у человека. Работаешь с человеком, а сам думаешь, что информацию нужно будет сообщить. Испытываешь дискомфорт, когда приходится роли делить»; «Сохранять этическую позицию сложно: не даешь информацию – не работаешь»; «С осужденными – психолог не должен оценивать; сотрудник – обязан на какие-то недостатки указать. Приходится выбирать, как действовать. Противоречат этика психолога и обязанности сотрудника (например, обыски, необходимость приказать»;*

– несовпадение профессиональных и служебных ценностей (свобода самовыражения и необходимость субординации) (*«Табу на самовыражение, необходимость держать при себе собственное мнение. Сотрудник – болванчик, должен быть никакой: подчиняемый, беспрекословный, не имеющий своего мнения. Большинство так и работают. Психолог должен высказывать свою точку зрения, неординарную,*

отличающуюся от большинства. Все видят событие с одной стороны, психолог – с другой»);

– ограничения по полу («Если психолог – женщина, то трудности связаны с режимом»).

Особый риск для поддержания профессиональной идентичности связан с выполнением психологом несвойственных ему обязанностей, поскольку при этом происходит «выпадение» в другую роль. Зачастую психолог (особенно, если он мужчина) воспринимается окружением в качестве сотрудника, для которого первоочередным является выполнение служебных обязанностей. Непонимание руководством учреждения специфики психологической работы выражается в привлечении их к другим видам работ (дежурство, несение службы в составе караула, сопровождение осужденных на сельхозработы, проведение обысков и т.п.). Подобная ситуация воспринимается психологами как угроза профессиональной идентичности, поскольку неизбежно провоцирует ролевой конфликт. Психологи отмечают, что смешение ролей психолога и сотрудника может обуславливать негативное отношение к ним со стороны осужденных, в то время как мотивированность осужденных к взаимодействию с психологом признается одним из важных факторов эффективной работы.

Ролевая неопределенность свойственна также сотрудникам, сменившим профессию в процессе службы в УИС. В глазах окружающих они продолжают оставаться в прежней роли, что, несомненно, сказывается на профессиональном самоопределении.

Для психологов-женщин, работающих в мужских колониях, существенным препятствием в реализации профессиональных функций выступает необходимость соблюдения определенных режимных требований.

Об отсутствии трудности сочетания ролей сообщают психологи, окружение которых склонно воспринимать их преимущественно в профессиональной роли. Подобное отношение окружения формируется либо благодаря большому стажу работы в одном учреждении, либо за счет специфики подразделения. Так, например, одна из респондентов, психолог отряда специального назначения, несмотря на небольшой стаж работы (около года), отмечает: «Я работаю в мужском коллективе, и во мне гармонично сочетаются и качества сотрудника, и качества психолога, которые в любых ситуациях видят во мне мои коллеги». Очевидно, что в данном случае сыграли роль приоритет служебной деятельности в отряде, собственная активность психолога по завоеванию доверия к себе как к сотруднику и профессионалу (респондент призналась, что навыки служебной деятельности, приобретенные ею за время обучения в ведомственном вузе, пригодились в период адаптации к работе, поскольку «самое главное – самой быть на уровне, быть с ними, поднимать свой уровень») и половая принадлежность (некоторое снисхождение к женщине сотрудницы отряда все же проявляют, например ей разрешается не надевать

тяжелое снаряжение – бронежилет, автомат – во время учений).

Сложности сочетания ролей не возникают, если психолога редко привлекают к служебным мероприятиям («В роли сотрудника бываю редко, один-два раза в год во время тревоги»; «Я себя как сотрудника не воспринимаю. Только на мероприятиях и когда через вахту идешь с доверием»). Опыт «соприкосновения» с уголовно-исполнительной системой также может иметь значение: «Для меня – нет <не сложно сочетать роли>. Может, в силу того, что я была сначала сотрудником. Все мои родственники – военнотруженики»; «Мне – нет. У некоторых бытует мнение, что психологу нельзя заниматься режимными вопросами. Может, неохота быть в роли сотрудника? Испытывают смущение? Недостаток знания того, что можно потребовать от осужденного? Если все знаешь про их жизнь, сложностей не возникает». Однако в любом случае подчеркивается необходимость выработки определенной внутренней позиции: «Многое зависит от своей собственной позиции»; «Сочетание ролей зависит от человека. Противоречивое чувство подавляется, гасится. Терпимость должна присутствовать»; «Я себя успокаиваю тем, что это нужно. Речь идет не о личностных, а о поведенческих характеристиках».

Итак, ролевой конфликт – это закономерное явление в процессе профессионализации психологов УИС. В то же время не следует рассматривать его исключительно в качестве негативного фактора. Конструктивное разрешение конфликта служебных и профессиональных ролей создает основу для становления адекватной профессиональной идентичности пенитенциарных психологов.

Необходимо учитывать, что преодоление ролевых конфликтов зависит от целого ряда условий:

1) субъективного отношения к роли ее исполнителя – в зависимости от того, насколько значимы ролевые требования для носителя роли, насколько справедливыми он их считает;

2) санкций (положительных и отрицательных), которые могут быть применены за исполнение или неисполнение роли;

3) типа ориентации исполнителя роли (ориентация на моральные ценности или прагматическая)⁷.

Наиболее конструктивным вариантом разрешения ролевого конфликта следует признать тот, на который указывал еще Э. Эрикссон. Это формирование широкой идентичности, объединяющей все возможные идентификации. Подобной точки зрения придерживаются и современные авторы. Результаты проведенных ими исследований свидетельствуют о том, что изменчивость ролевого самосознания связана с разнообразными проблемами и жизненной нестабильностью. Более адаптивными являются индивиды с унифицированной Я-концепцией по отношению к различным ролям. Другие авторы, например К. Джерджен, утверждают, что вариативность

Я-концепции благоприятна, так как она обеспечивает для каждой роли свое специфическое самосознание, а это позволяет индивиду гибко реагировать и легко приспосабливаться к различным ролевым требованиям⁸.

Очевидно, что способы разрешения проблем, связанных с профессионализацией психологов в уголовно-исполнительной системе, индивидуальны. Однако все они направлены на поиск смысла собственной профессиональной деятельности. В связи с этим можно утверждать, что на сегодняшний день обеспечение психологического сопровождения пенитенциарных психологов на всех этапах их профессионального становления является актуальной и неотложной задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дебольский М.Г. 15 лет психологической службе УИС: состояние и приоритетные направления развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 22.

² См. подр.: Коданева М.С. Становление профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

³ См.: Мучински П. Психология, профессия, карьера. СПб., 2004. С. 382.

⁴ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2002. С. 202.

⁵ См.: Ерина С.И. Ролевые конфликты в профессиональной деятельности и социальном поведении человека // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2006. № 1. С. 96.

⁶ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 68.

⁷ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2002. С. 202.

⁸ См.: Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М., 2001. С. 211.

Оценка эффективности профилактической и реабилитационной работы с безнадзорными несовершеннолетними в Вологодской области

В.И. ПОПОВА – преподаватель кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России

Социально-экономические проблемы в России последних десятилетий отразились, в первую очередь, на современной семье. Они не только ухудшили положение детей в обществе, но и снизили воспитательную функцию семьи, что способствовало увеличению количества безнадзорных и беспризорных детей. Проблема безнадзорности несовершеннолетних стала одной из наиболее обсуждаемых в последнее время.

Вологодская область – один из тех российских регионов, в которых проблема безнадзорности несовершеннолетних не теряет своей актуальности уже многие десятилетия. В то же время в современных условиях безнадзорность несовершеннолетних оказывает негативное влияние на качество трудовых ресурсов, демографической структуры, социально-психологического состояния. При этом региональная экономика теряет значительную часть интеллектуального и трудового потенциала, а бюджеты несут дополнительные расходы на реабилитацию этой части населения.

По данным департамента труда и социального развития Вологодской области, за период с 2001 по 2006 гг. число несовершеннолетних, официально признанных безнадзорными, в

регионе увеличилось в 7,8 раза – с 240 до 1868 несовершеннолетних, в пересчете на тыс. населения в возрасте от 3 до 17 лет – с 0,9 до 8,4 чел. соответственно.

О неблагоприятной ситуации в регионе свидетельствует также рост числа лиц, лишенных родительских прав в результате принятия судебных решений, а также вносимых в суд ходатайств о лишении родительских прав. Так, в период с 2004 по 2006 гг. количество ходатайств, переданных в суд, возросло с 535 до 594 (на 11%), а число родителей, лишенных прав по воспитанию и уходу за своими детьми, – с 459 до 577 человек (на 26%). За 1 квартал 2007 г. в суд было направлено 172 дела о лишении родительских прав¹.

Проблема детско-подростковой безнадзорности на сегодняшний день бесспорна, но весь ее негативный потенциал для общества заключается, в первую очередь, в том, что безнадзорность влечет за собой актуализацию различных форм девиаций. В сложившейся ситуации все негативные последствия носят угрожающий характер и представлены следующими классификационными группами: экономические, социальные, демографические, медицинские, нравственные (табл. 1).